

Л. КАМЕНЕВ

Предисловие [к 1-му тому собрания сочинений Н. Макиавелли]

Включение произведений Никколо Макиавелли в серию изданий Academia не требует оправданий. События, послужившие стимулом творчества Макиавелли, самые его произведения — публицистические, исторические, художественные, — острая борьба, кипевшая в течение столетий вокруг его имени, — все это крупнейшие факты культурной истории Европы. Советский читатель, который неизбежно сталкивается с именем Макиавелли и в историко-политических исследованиях, и в злободневных передовицах современной прессы («макиавеллизм», «макиавеллевская политика» и т. п.), и на страницах художественной прозы, вправе требовать, чтобы перед ним были положены подлинные, аутентичные тексты секретаря Флорентийской республики XVI века. Навстречу этой потребности и идет издательство Academia.

В статье, предпосланной настоящему тому работ Макиавелли, А. К. Дживелегов блестяще справился с задачей дать очерк жизни Макиавелли и тех событий современной истории, которые стимулировали его творчество. За пределами его очерка осталась тема о судьбах произведений и идей Макиавелли после смерти автора. Между тем судьбы эти весьма занимательны и поучительны. Изучить отношение к Макиавелли различных групп европейского общества на протяжении *четырех* веков (XVI—XIX вв.), в течение которых он неизменно привлекал внимание политиков, публицистов и историков, — значило бы собрать богатейший и рельефнейший материал для истории классовой борьбы на идеологическом фронте от эпохи крушения феодализма до эпохи пролетарских революций. Мы, по необходимости, должны, однако, на этих страницах ограничиться лишь несколькими справками в этой области.

Вопреки принятой терминологии, значение Макиавелли не в его «теории» или «политической системе». У него, собственно, и нет «теории» или «системы» в смысле глубоко обдуманного и широко разветвленного учения об обществе или хотя бы государстве. Он был лишен вкуса к философскому углублению вопросов и к широким социологическим обобщениям. Его подлинная сфера — политическая публицистика на материале современных животрепещущих событий или на основе исторических событий, как они были препарированы историками Древнего мира. И в том и в другом случае цель автора — прямое, непосредственное воздействие на ход современных ему политических событий. И в том и в другом случае его якобы теоретические «Рассуждения» и его чисто служебные «Донесения» — совершенно одинаково — лишь запись непосредственных наблюдений человека, стоящего около самого центра борьбы за власть.

Социальное содержание власти, ее социальная характеристика, его интересует мало: в конце концов это содержание ведь остается приблизительно неизменным, принадлежит ли власть Александру VI или Цезарю Борджа, Цезарю Борджа или князю Орсини, князю Орсини или герцогу Урбинскому. Пристальное внимание Макиавелли привлекает самый процесс борьбы за власть. В приобретшем мировую известность произведении Макиавелли «Князь» его внимание поглощено не вопросом о смене у власти различных социальных групп, условиях и смысле этой смены, а *механикой* самой борьбы за власть в пределах данной узкой социальной группы, на переломе от феодализма к капитализму.

Конечно, мысль Макиавелли пронизана ведущей исторической задачей: стремлением к созданию крупного национально-го, по существу буржуазного, государства путем подавления и поглощения исторически сложившихся самостоятельных образований: феодальных, полуфеодальных и торговых коммун, республик и княжеств. Но в условиях Италии конца XV — начала XVI века эта идея должна была прокладывать себе путь — и так и не проложила его себе — через запутаннейший частокол бесчисленного количества крупных, мелких и мельчайших, но всегда свирепейших столкновений кучи итальянских властителей. Именно *практика* этих бесчисленных столкновений и формулирована открыто в трактате Макиавелли.

Мастер политического афоризма и блестящий диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий и всех критериев добра и зла, до-

зволненного и недозволенного, законного и преступного, Макиавелли сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на него. Это далеко еще не *социология* власти, но зато из-за этой рецептуры великолепно выступают *зоологические* черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством. Так этот секретарь флорентийских банкиров и их посол при папском дворе — вольно или невольно — создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих.

Ни малейшего хотя бы намека на религиозную или метафизическую «сущность» государства, ни словечка о «богоизбранности» государя, даже государя Папской области, ни единой ссылки на «волю народа», на «законы истории», на «интересы человечества». Этот слуга флорентийской олигархии не боялся смотреть политической действительности своего времени прямо в глаза и своим пером издырявил вконец — хоть брось! — все широковещательные знамена и трухлявые тряпки, которыми можно было бы прикрыть ожесточенную свалку его хозяев, борющихся за власть над трудящейся массой. Своей пятилистной книжкой он сразу сделал смешными почтеннейших докторов, авторов бесчисленного количества богословско-нравственно-политических трактатов, посвященных познанию сущности политической власти и переполненных ссылками на философию Аристотеля, законодательство Моисея и заповеди апостола Павла.

Это было великолепно по своей обнаженной правдивости — и потому страшно. Попы, придворные, государствоведы и короли бросились опровергать секретаря флорентийской олигархии. Чем ближе их практика подходила к наблюдениям Макиавелли, тем решительнее опровергали они его формулы. Секретарь ордена иезуитов¹ честил его «диавольским сосудом преступлений», «писателем нечестивым и безбожным». Апологеты абсолютной монархии находили его рассуждения безнравственными и жестокими и полагали, что вообще «никогда не существовало человека, который до такой степени был бы погружен в омут пороков, как этот флорентиец». Представитель безудержного деспотизма, прусский король Фридрих, так называемый «Великий», написал «Анти-Макиавелли». Имя Макиавелли было обращено теми, кто заинтересован в сокрытии

подлинного характера власти в феодальном и буржуазном обществе, в нарицательное обозначение политического цинизма.

Между тем цинизм не в словах Макиавелли, а в том, что этими словами описано. Безнравственность, преступность, жестокость книги Макиавелли о «Князе» исчерпывается тем, что он в ней решил — употребляя выражение Лассалья — *aussprechen was ist*, высказать то, что есть. И если картина отношений господства в феодальном и буржуазном обществе, выступающая со страниц Макиавелли, не могла не вызвать возмущения и негодования *господствующих*, но зато она не могла не привлечь и внимания тех, кто в той или другой степени был склонен отнестись к ней критически. «Мы должны быть благодарны Макиавелли и другим подобным писателям, которые открыто и ничего не замаскировывая изображали то, как люди обычно поступали, а не то, как они должны были поступать», — писал Ф. Бэкон², этот «истинный родоначальник английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени», по характеристике Маркса. Так же отнесся к секретарю Совета Десяти и Гегель, решительно отказавшийся от какой бы то ни было морализующей оценки Макиавелли и увидевший в его «безнравственной» и «безбожной» проповеди лишь фиксацию методов политической борьбы, неизбежно господствующих в известную эпоху человеческой истории. «В высшем смысле необходимости Макиавелли, — писал Гегель, — установил основные положения образования государств, по которым и нужно было образовать государства в тогдашних условиях»³.

Молодой Маркс выписывал в тетради, в которых зрели зародыши «Коммунистического манифеста», чеканные афоризмы «Рассуждений о Тите Ливии», неоднократно перечитывал Макиавелли впоследствии и находил, по крайней мере, некоторые из его работ «мастерскими произведениями», «шедеврами»⁴. А Энгельс внес этот «диавольский сосуд преступлений» в свою галерею «титанов» Возрождения, великих разрушителей феодальной культуры, которых основоположники научного социализма особенно ценили потому, что, выполняя свое историческое дело, будучи строителями нового буржуазного государства, они «не были по-мещански ограниченными»⁵ («Диалектика природы»). Зоркий глаз авторов «Коммунистического манифеста» разглядел в рассуждениях и заметках флорентийского секретаря зачатки теории классовой борьбы, свободное от всякого мистицизма и идеализма проникновение в сущность государства и борьбы за власть, великолепную реалистическую картину современных автору политических отношений. В сочинении

ях Макиавелли императоры, папы, короли, сеньоры, банкиры и купцы — хозяева торговых республик — разгуливают без масок и своими действиями как нельзя лучше подтверждают взгляд на историю создателей диалектического материализма.

Работы этого публициста XVI века сыграли, таким образом, выдающуюся роль в той великой работе обнажения подлинной природы власти в классовом обществе, которая была доведена до конца лишь в наше время, в работах Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. И в этом его право на внимание современного читателя.

